

ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ В «ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ» М. ФУКО

В. В. Меньшиков*

М. Фуко, будучи многосторонним исследователем, особое внимание уделил выяснению социальной природы, сущности и роли, которую играет человеческого тело в обществе. Казалось бы, что данный вопрос за время столь длительного существования человечества уже исчерпан, но как показал М. Фуко, здесь имеется целый ряд малоисследованных аспектов, познание которых имеет не только философско-теоретическое, социально-практическое, но и политическое значение. Созданное им направление «политическая анатомия» позволяет по-новому, несколько в ином ракурсе взглянуть на организацию общественной, политической жизни, увидеть то, что раньше выпадало из поля зрения**.

Основное внимание он сосредоточивает на властных отношениях, которые независимо от человека диктуют правила дисциплинарного поведения, навязывая соответствующие стереотипы восприятия действительности. В научной литературе философского, социологического, политического характера человек понимается преимущественно как общественное, политическое, коллективное, разумное существо. Фуко человека рассматривает с иных позиций, вы-

* Меньшиков Валерий Владимирович – кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления факультета управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: politics@kubsu.ru.

** Вопрос об отношении к человеческому телу в разные периоды каждый народ решал по-своему. Так, в некоторых полисах Древней Греции в отдельные периоды большое внимание уделялось гармоничному воспитанию человека, когда наряду с изучением философии, мусических искусств (литературы, музыки, танца) большое внимание уделялось телесному воспитанию граждан. Отражение такого подхода мы встречаем в произведении Платона «Государство». Существовала и другая тенденция, когда тело рассматривалось как источник, носитель всего греховного. Чаще всего такой подход к пониманию тела был присущ религиозным представлениям. Так, например, в «Дхаммапада», знаменитом буддийском сборнике изречений, которые предписываются самому Будде, говорится: «Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства. Изношено это тело, гнездо болезней, брэнное; эта гниlostная гряда разлагается, ибо жизнь имеет концом смерть» [2, с. 84].

двигая на первый план политико-антропологические характеристики человека как телесного существа. По его мнению, тело не только имеет социальную значимость, но и выступает объектом целенаправленного воздействия со стороны власти. Такой подход позволяет глубже понять механизмы воздействия на человека, перенося основной акцент в исследовании с власти на объект, подвергаемый властному воздействию. Власти захватывают тело «клеят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки. Политический захват тела связан сложными двусторонними отношениями с его экономическим использованием; тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила. Но, с другой стороны, его функция как рабочей силы может осуществляться только в том случае, если оно вовлечено в систему подчинения (где потребность служит также политическим инструментом – тщательно подготовленным, рассчитанным и используемым); тело становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным» [9, с. 40].

Таким образом, М. Фуко считает, что тело непосредственно погружено в область политического, власть держит его «мертвой» хваткой. Политический захват тела осуществляется через экономическое воздействие. Тело захватывается отношениями власти и господства, главным образом как производительная сила. Это возможно только в том случае, если оно вовлечено в систему подчинения. Существенную роль в этом процессе играют потребности, которые выступают «тщательно подготовленным, рассчитанным и используемым политическим инструментом».

Подчинение достигается путем использования средств насилия или идеологии, которые могут осуществляться различными способами. М. Фуко вводит в оборот понятие «микрофизика власти»; ее поле действия простирается между большими делами власти и собственно телами с их материальностью и силами. Эту власть следует понимать как стратегию воздействия господства, включающую механизмы, маневры, тактику, технику, действия. Отношения власти проникают в самую глубину общества, они не однозначны, ибо представляют собой столкновения в бесчисленных точках и очагах нестабильности, каждый из которых несет в себе опасность конфликта, борьбы или временного изменения соотношения сил.

Власть производит знание, это знание и власть взаимно зависимы. По мнению автора, данные отношения не следует анализировать на основе познающего субъекта по той причине, что познающий субъект, познаваемые объекты и модальности познания представляют проявления фундаментальных импликаций отношения «власть – знание» и их исторических трансформаций. «Словом, полезное для власти или противящееся ей знание производится не деятельностью познающего субъекта, но властью-знанием, процессами и борьбой, пронизывающими и образующими это отношение, которое определяет формы и возможные области знания» [9, с. 43].

В теоретической концепции М. Фуко своеобразное место отводится пониманию души. Он выделяет два значения души: теологическое и реальное. В отличие от религиозного понимания реальная душа порождается процедурами наказания, надзора, принуждения, контроля. Реальная душа создается благодаря функционированию власти, воздействующей на наказываемых и на всех контролируемых. Душа «существует, она имеет реальность, она постоянно создается вокруг, на поверхности, внутри тела благодаря функционированию власти, воздействующей на наказываемых – вообще на всех, кого контролируют, воспитывают, муштруют и исправляют: на душевнобольных, на детей в школе и дома, на заключенных в колониях, на тех, кто прищилен к производственной машине и подвергается контролю на протяжении всей остальной жизни» [9, с. 45]. Под этим углом зрения философ рассматривает наказание казнью. Цель такого деяния – преподать урок народу. «Зверство обеспечивает воссияние сразу истины и власти; оно – завершение ритуала следствия и церемония, в которой монарх празднует свой триумф; и оно объединяет истину и власть в казнимом теле» [9, с. 84]. Палач выступает в роли связующего звена между королем и народом. Основание для такого рода действий М. Фуко видит в «избыточной власти короля», в которой право наказывать тождественно личной власти суверена. По мнению автора, публичная казнь не восстанавливает справедливость, она лишь усиливает власть.

Констатация наличия избыточной власти, которой может быть наделен тот или иной субъект, представляет серьезную проблему – проблему, в конечном счете упирающуюся в наличие реальной возможности осуществлять контроль, «цензуру» за деятельностью властного субъекта, для того чтобы не позволять ему выходить за рамки, установленные законодательством, регламентом, соответствующими договоренностями. Естественно, такое требование не приемлемо к формам правления, политическим режимам, которые в силу своего статуса, организационной конструкции исключают саму возможность наличия такого контроля. Избыточной власти может быть меньше или больше, она может реализовываться различным образом, но там, где таковая имеется, всегда есть основания для проявления произвола. Говоря иначе, там, где нет возможности осуществлять организованный и действенный контроль над властью, там могут иметь место рецидивы субъективизма, волюнтаризма, беззакония. Данный вопрос не является темой специального рассмотрения со стороны М. Фуко, наоборот, главное внимание он сосредоточивает на контроле со стороны власти над поведением и деятельностью людей.

Власть по отношению к телу проявляется в форме дисциплины, которая реализуется через политику принуждения. Воздействуя на тело, власть тщательно обрабатывает его, разрушает его и собирает заново. «Рождается „политическая анатомия“, являющаяся одновременно механикой власти. Она определяет, как можно подчинить себе тела других, с тем, чтобы заставить их не только делать что-то определенное, но и действовать определенным образом, с применением определенных техник, с необходимой быстротой и эффективностью. Так дис-

циплина производит подчинение и упражнение тела, „послушные“ тела» [9, с. 201].

Дисциплинарная власть отправляется в силу невидимости; в то же время она навязывается тем, кого подчиняет, кому навязан принцип принудительной видимости. В дисциплине субъекты должны быть видимыми. Их видимость «удовлетворяет накиннутую на них узду власти». Именно факт постоянной видимости удерживает дисциплинарного индивида в подчинении.

Для иллюстрации особенностей организации деятельности дисциплинарной власти в качестве примера М. Фуко приводит конструкцию «Паноптикума» Бентама. Это тюрьма, где находятся заключенные, в центре которой расположена башня. Устройство последней таково, что все, что делается заключенными, видно надзирателю из башни. При этом сам надзиратель остается невидимым. Цель такой конструкции – привести заключенного в состояние осознаваемой и постоянной видимости, которая обеспечивает автоматическое функционирование власти*. Нечто подобное представляет и дисциплинарная власть, где на первый план выступают функциональные требования по отношению к тому, на кого направлено властное воздействие, тогда как сам носитель власти зачастую остается вне поля зрения. Эта власть – по существу новая технология организации общественной жизни, ставящая под контроль деятельность индивидов, итогом ее становится создание дисциплинарного общества, возникновение которого Фуко связывает с развитием исторических, экономических, политических, юридических и других процессов.

Специфика дисциплины в том, что она пытается ввести тактику власти, которая бы отвечала следующим критериям:

- 1) отправление власти должно быть максимально дешевым;
- 2) ее действия должны быть максимально сильными и распространяться как можно дальше;
- 3) «экономический» рост власти должен быть связан с производительностью аппаратов (образовательных, военных, промышленных, медицинских), внутри которых она отправляется.

На основании сказанного автор делает вывод: основное назначение дисциплинарной власти – стремление к тому, чтобы увеличивать как послушность, так и полезность всех элементов социальной системы.

* Т. А. Алексеева дает следующую характеристику данной конструкции: «Паноптикум оказывается мощным источником власти для тюремщиков, поскольку обеспечивает их возможность тотального наблюдения за заключенными. Власть увеличивается еще больше, так как заключенные сами начинают себя контролировать, предполагая возможность наблюдения в любой момент. На этом примере, как считает Фуко, ясно прослеживается связь между знанием, технологией и властью. Он даже рассматривает Паноптикум как своего рода лабораторию по сбору информации о людях. На более высоком уровне абстракции Паноптикум становится для Фуко основанием всякого дисциплинарного общества» [1, с. 317].

Названные Фуко критерии можно считать основными требованиями, которыми должна руководствоваться власть в своих действиях. Они достаточно рациональны, в какой-то мере декларативны. Послушность – фактор вторичный, зависимый от целого ряда условий, может достигаться различными методами и способами, выступать в различном качестве. В данном случае основной акцент делается не на содержательной стороне данного процесса, а на тенденциях, свойственных развитию дисциплинарной власти. Полезность власти – это важный для оценки и понимания существа осуществляемых властью преобразований критерий, являющийся актуальной проблемой для современных исследований.

Дисциплина выполняет большое число функций, «обеспечивающих упорядочение человеческих множеств». Как способ осуществления власти дисциплина может изменяться в зависимости от отношений в обществе.

Понимание сущности дисциплинарной власти, которая пронизывает «все и вся» в организации общественной жизни, позволяет по-иному взглянуть на устоявшиеся формы восприятия социальной действительности. Эта власть была во все периоды существования общества. Фуко считает ее составной частью социальной власти (этот термин он употребляет неоднократно). Новым в понимании данного феномена является объект исследования – человеческое тело и связанные с ним формы властного взаимодействия и зависимости.

Фуко отмечает, что эпоха Просвещения, открывшая свободы, изобрела и дисциплины. Утверждение в жизни общества господства рационального начала имеет одним из своих следствий усиление дисциплинарной власти. «Но история, „рацио“ как история западноевропейского мира, – пишет Фуко, – далеко не исчерпывается прогрессом „рационализма“; не меньшее, хоть и не столь очевидное место, в ней занимает тот процесс, в результате которого Неразумие было перенесено на нашу почву, исчезло в ней – но пустило в ней корни» [10, с. 65].

Дисциплинарная власть приводит в действие необратимые механизмы, где на одной стороне сосредоточивается «сверхвласть», на другой – подчинение. Указанное обстоятельство отличает дисциплинарную власть от договорной власти. «...Дисциплина образует „частную“ связь между индивидами, отношение принуждения, совершенно отличное от договорного обязательства; понятие дисциплины может предписываться договором; способ, каким она насаждается, механизмы, какие она приводит в действие, – необратимое подчинение одних людей другим, „сверхвласть“, которая всегда сосредоточивается на одной стороне, неравенство положения различных „партнеров“ относительно общего правила – все это отличает дисциплинарную связь от договорной связи и позволяет систематически исказить последнюю с того самого момента, когда ее содержанием становится дисциплинарный механизм» [9, с. 326–327].

Наиболее всеобъемлющий характер дисциплинарная власть получает при капитализме. Старый принцип «взимание – несилие», управляющий эконо-

мией власти, дисциплины, заменяется новым – «мягкость – производство – прибыль». Коментируя характер отмеченных Фуко изменений, В.А. Подорога пишет: «Цель власти – прозвания меняется: теперь нет необходимости в том, чтобы сжимать тело до предела, подавлять или вырывать признание пыткой; новая власть доминирует с помощью контроля, нормы, упражнения, экзамена, наделяя необходимыми функциями отдельные тела (жесты, скорость, экономия сил) в их взаимодействиях друг с другом, подготавливая их к тому, чтобы они были послушными и продуктивными телами» [7, с. 248]. Буржуазному обществу присущи противоречия между правовой и дисциплинарной властью, которая пронизывает все уровни организации общественной жизни. С точки зрения Фуко, какой бы регулярной и институциональной ни была дисциплина, по своему механизму она является контрправом. И хотя всеобщий юридический характер современного общества, казалось бы, устанавливает границы отправлению власти, его повсеместный паноптизм позволяет функционировать на изначальной стороне права огромному и одновременно мельчайшему механизму, который поддерживает, усиливает, умножает асимметрию власти и делает бесполезными границы, ограничиваемые правом.

Дисциплина диктует своеобразную тактику власти, которая должна отвечать трем критериям: отправление власти максимально дешево, действия этой социальной власти должны быть максимально сильны и распространяются как можно дальше. При этом экономический рост власти (последняя, по Фуко, во многом предопределяет сам факт наличия дисциплинарной власти в условиях капитализма) должен быть связан с производительностью соответствующих сфер деятельности («аппаратов»): образовательной, военной, промышленной, медицинской. Существует тенденция стремления к увеличению послушности и полезности всех элементов социальной системы. «Можно сказать, что дисциплина – единый метод, посредством которого тело с наименьшими затратами сокращается как „политическая“ сила и максимально увеличивается как полезная сила. Рост капиталистической экономии породил специфическую модальность дисциплинарной власти: ее общие формулы, методы подчинения силе тел, короче говоря, „политическая анатомия“ может работать в самых различных политических режимах, аппаратах и институтах» [9, с. 325]. При этом паноптическая модальность власти обладает относительной самостоятельностью и не зависит напрямую от крупных юридическо-политических структур общества, не является их непосредственным продолжением. При таком понимании роли экономической и политической дисциплинарной власти в обществе невольно встает вопрос: «Возможно ли в условиях капитализма, рыночных отношений освобождение человека от властной дисциплинарной зависимости?» На основании сказанного Фуко напрашивается следующий вывод, он обращает внимание на то, что отношения власти, проникая в самую толщу общества, в бесчисленных точках столкновения не однозначны. Иначе говоря, дисциплинарная зависимость может быть большей или меньшей, смотря по обстоятельствам, но факт наличия ее для человека в обществе всегда налицо. Специфика

модальности дисциплинарной власти зависит от ряда обстоятельств: политического и экономического строя общества, уровня развитости его различных сфер и других обстоятельств.

В решении вопроса о соотношении правовой сферы регулирования общественных отношений и дисциплинарной власти Фуко основное внимание сосредоточивает на противоречивом характере данных отношений. У него дисциплины по своему механизму выступают в роли «контрправа», являются «политической противоположностью юридических норм, в соответствии с которыми перераспределяется власть». «Отсюда, – пишет Фуко, – утверждение, что они (дисциплины. – *В.М.*) действуют в самом основании общества, суть элемент его равновесия, тогда как на самом деле они ряд механизмов для окончательного и повсеместного нарушения равновесия в отношениях власти. Отсюда упрямое изображение дисциплин как скромной, но конкретной формы всякой морали, тогда как на самом деле они представляют собой совокупность физико-политических техник» [9, с. 328]. Что касается понимания свободы человека в поле дисциплинарного властного взаимодействия, то она, по мнению Фуко, носит преимущественно формально-юридический характер, фундамент ее образуют реальные телесные дисциплины.

В заключение отметим, что мы имеем дело с достаточно оригинальной самостоятельной концепцией, в которой с методологических позиций «политической анатомии» исследуется дисциплинарная власть. Уже это дает основание утверждать, что автор открыл нечто новое в способе человеческого существования в обществе, исследовав недостаточно изученную сторону властного бытия. Он отошел от устоявшихся стереотипов понимания социальной роли дисциплины, показал несостоятельность некоторых представлений об этом феномене*.

Заслуга Фуко также в том, что он тело человека рассмотрел с позиций осуществляемых им целенаправленных дисциплинарных социальных воздействий, акцентировав внимание на противоречии, связанном с распределением ролевых функций между дисциплинарной властью и подчиненными. Фуко уходит от анализа социальной природы власти, ее основных форм: экономической власти и политической власти. Они у него присутствуют, но выполняют по отношению к основному предмету исследования вспомогательный (прикладной) характер. Вместе с тем следует отметить глубокое понимание автором тесной взаимосвязи этих видов власти, их взаимообусловленности.

* По мнению автора, в настоящее время, наряду с теорией М. Фуко, можно назвать ряд других нетрадиционных (в классическом понимании) направлений в исследовании власти. К таковым относятся в зарубежной политической мысли системный, структурно-функциональный, сравнительный и бихевиоральный подходы [11], концепция власти Н. Лумана [6], антропологическая трактовка феномена власти Э. Каннети [3], рассмотрение власти с позиций политической семиологии Р. Барта [8]. В отечественной литературе следует назвать работы В. Г. Ледяева [5] и В. В. Крамника [4].

Библиографический список

1. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2001.
2. Дхаммапада // Памятники литературы народов Востока. М.: Восточная литература, 1960.
3. *Канетти Э.* Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997.
4. *Крамник В.В.* Власть и мы: ментальность российской власти – традиции и новации // Общество и политика. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000.
5. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.
6. *Луман Н.* Власть. М.: Праксис, 2001.
7. *Подорога В.А.* Власть и познание (археологический поиск М. Фуко) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989.
8. *Рыклин М.К.* Власть и политика литературы (политическая семиологи Р. Барта) // Власть: Очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989.
9. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad. Marginem. 1999.
10. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
11. *Шаран П.* Сравнительная политология. М.: б.и., 1992. Ч. 1–2.